

**Информационное общество
в виртуальной и социальной реальности.
Что это за общество и как оно существует в этих реальностях?**

Рец. на кн.: Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – С.-Петербург : Алтейя, 2012. – 352 с.

Ключевые слова: Соколов А. В., «Информационное общество виртуальной и социальной реальности», рецензия, информационное общество, истоки, идеи, проблематика, информация, информационные реальности.

Начало 2012 г. в библиотечном профессиональном сообществе ознаменовалось выходом в свет новой книги профессора А. В. Соколова *«Информационное общество в виртуальной и социальной реальности»* (далее в тексте – ссылки на страницы этой книги).

Это одна из первых работ, посвящённых межнаучному рассмотрению проблем информационного общества (ИО). Раньше (как показывает в своей книге А. В. Соколов) философы, социологи, информатики, библиотековеды, библиографоведы и представители других наук рассматривали проблематику ИО исключительно в рамках своих научных дисциплин. Эта книга – первая попытка свести воедино достижения разных наук в плане изучения феномена ИО.

Информационное общество у А. В. Соколова предстаёт не как социальный факт, а как предположение о том, каким оно может быть в будущем. В книге прослеживается зарождение и развитие идеи ИО в России и за рубежом, анализируются предпосылки и государственные программы его построения, технократические и гуманистические концепции такого общества. Автор раскрывает сущность ИО в виртуальной и социальной реальности, анализирует тенденции формирования глобального ИО и перспективы идеи его социализации в России XXI века.

Книга открывается Вступлением, где автор ставит задачу своего исследования; затем следуют четыре главы и Заключение, в котором обобщаются выводы. Во Вступлении А. В. Соколов отмечает: нельзя утверждать, что природа и сущность информации и ИО познаны современной наукой и что ИО уже построено и функционирует в окружающем нас мире. Действительно: «Глобальная паутина Интернет, мобильные телефоны и мультимедиа пленяют молодое поколение как супермагистраль, ведущая в информационное общество. Прогрессивные писатели, популяризаторы науки, умудренные профессора и шустрые аспиранты, восторгаясь победоносным ходом информационно-технологической революции, апеллируют к информационной цивилизации, как ветхозаветные пророки к Земле обетованной. Термин «информационное общество» вошёл в лексикон международной политической элиты в качестве солидного либерально-демократического штампа, подобного терминам «права человека», «свобода слова», «национальная безопасность» и т.д.» (с. 7). Получается, что информатизация – залог высокого уровня образованности и культуры населения – и ведёт нас «правильным путём» к ИО, которое если ещё и не построено, то хотя бы частично будет построено в ближайшем будущем.

И всё бы ничего, если бы не было, по выражению А. В. Соколова, «упрямых скептиков», которые вполне аргументированно «... отмечают несостоятельность технологического детерминизма, сомневаются в благотворном могуществе информационных технологий, отрицают реальность информационной цивилизации и опасаются нравственной деградации обитателей глобальной «информационной деревни». Анализируя опыт информатизированных государств, вездливые педанты указывают на рост неквалифицированных занятий в сфере услуг, распространение примитивной массовой культуры, а не интеллектуализации масс, ставят под вопрос вывод о том, что эрудиция, наука и экспертные знания действительно являются гарантами социального благосостояния» (с. 7, 8).

В приведённых цитатах, характеризующих позиции двух противоположных лагерей, чётко показано: вопрос

о том, что такое ИО, реально ли оно или это миф либо некая новая утопия, где оно существует (в социальной или, может быть, в виртуальной реальности), отнюдь не празден и требует решения.

В результате знакомства с литературой по рассматриваемой теме А. В. Соколов пришёл к выводу, что ИО многолико и представлено тремя разными интерпретациями (типами):

«1. *Социологическая интерпретация*: информационное общество – это реально существующая совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанная с информационно-коммуникационными технологиями и характеризующаяся субкультурными особенностями. <...> В социальном пространстве современного социума информационное общество этого типа локализовано в информационной техносфере <...>

2. *Научно-футурологическая интерпретация*: информационное общество – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии нынешнего индустриального общества. Этот тип информационного общества представлен <...> в качестве авторских концепций, обсуждаемых научным сообществом и широкой общественностью.

3. *Рекламно-идеологическая интерпретация*: информационное общество – грядущее высоко информатизированное общество, манящее торжеством просвещения, свободного творчества, социальной справедливости, которых так не хватает в современной действительности» (с. 10, 11). Эта интерпретация (тип) ИО, соответствующая интересам рекламодателей и/или государственной бюрократии, не имеет ничего общего с научным поиском и поэтому далее в книге не рассматривается. Автор подчёркивает, что приведённые трактовки возникли в силу определённых социальных потребностей. При анализе информационных процессов важно обращать внимание на переплетение объективных потребностей общества и субъективных интересов социальных групп.

Главный предмет исследования автора книги – идея ИО. «Что же, в конце концов, информационное общество: наивная утопия? кибернетическая производная? стадия цивилизационного прогресса?» (с. 13). Поиск ответов на эти вопросы А. В. Соколов объявил целью своего исследования, а задачу, решение которой поможет в выполнении этой цели, обозначил как поиск ответов на три вопроса: Как зарождалась и развивалась идея ИО? В чём его сущность? Каковы перспективы трансформации современного российского общества в общество информационное?

Проследуем за А. В. Соколовым по его пути поиска ответов на эти «правильные вопросы».

Первая глава книги называется «*Истоки информационного общества*». Чтобы раскрыть содержание всех значительных концепций, подходов, мировоззрений и др., явившихся предтечей «информационного общества», и проследить путь зарождения и развития ИО, автор разделил эту главу на три параграфа: 1.1. Предтечи идеи информационного общества, 1.2. Зарождение и развитие идеи информационного общества, 1.3. Информационное общество как социальная реальность XXI века.

В первом параграфе автор ищет дальние истоки идеи ИО в недрах футурологии. Для этого он предлагает обратиться к «депозитарию информационных диковин», а его весьма разнообразное содержание разделить следующим образом: «Фольклорно-легендарная преамбула» (с. 19–21), «Утопические трактаты» (с. 21–23), «Научная фантастика» (с. 23–28), «Антиутопические романы» (с. 28–34).

Фольклорно-легендарная преамбула «информационной футурологии» уже обнаруживается в волшебных сказках и мифах, пытающихся «выйти за пределы обыденного жизненного пространства, чтобы в особом невидимом (скажем, «виртуальном») мире добыть источники могущества и изобилия» (с. 19). Сюда органично ложатся славянские легенды о тридевятом царстве, роскошных житиях и веселиях, скатерти-самобранке и др. В древнеегипетской религии магической силой наделялась «волшебная книга» и т.д. Всё это подтверждает наличие идеи ИО в её мифическо-идеологической интерпретации уже в Древнем мире.

Затем в эпоху зарождения Галактики Гутенберга (XV–XVI вв.) появляются гомункулусы и Голем – человекоподобные существа, которых, по легенде, можно было создавать искусственно. По мнению автора, легенды об этих существах – «ранние проявления технологического детерминизма, исходящего из уверенности, что машины способны обеспечить благосостояние общества». Не случайно Н. Винер (о нём

речь пойдёт ниже) назвал кибернетическую машину «Голем».

Во втором разделе – «Утопические трактаты» – А. В. Соколов пишет, что эти трактаты делятся на социально-политические и научно-технические, и отмечает: хотя фантазии утопистов-классиков «не практикуют информационные технологии, но в остальном напоминают рекламные образы информационного общества» (с. 21, 22). Отдавая дань уважения всем выдающимся утопистам начиная с эпохи Возрождения, А. В. Соколов подробно анализирует книгу Френсиса Бэкона (1561–1626) «Новая Атлантида» (1627) и даже назвал его Новую Атлантиду «подлинным «обществом знания»» (с. 22).

Более поздняя утопическая книга, которую А. В. Соколов также подробно проанализировал, – социально-философский роман Этьена Кабе (1788–1856) «Путешествие в Икарию» (1840), в котором проект утопического государства отличается от других «тотальным контролем книжной коммуникации и журналистики» (с. 23) со всеми вытекающими последствиями. Этот роман стал превосходным материалом для антиутопий XX века, о которых речь пойдёт ниже.

Третий раздел – «Научная фантастика» – посвящён научно-фантастическим произведениям, которые «...довольно отчётливо разделяются на оптимистические утопии и пессимистические антиутопии, причём в обоих случаях просматриваются черты гипотетического информационного общества» (с. 23). Автор уделил внимание произведениям Жюль Верна (1828–1905), Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946), А. Р. Беляева (1884–1942), И. А. Ефремова (1907–1972), Карела Чапека (1890–1938), Айзека Азимова (1920–1992). В их произведениях у А. В. Соколова серьёзную озабоченность вызывает «...дегуманизация (расчеловечивание) высоко рационализированного и механизированного общества будущего» (с. 28).

Четвёртый раздел – «Антиутопические романы»: они «выражают тревожные предчувствия, навеянные не только трагическим опытом европейского тоталитаризма 20-х – 40-х годов, но и техногенными угрозами» (с. 28). В этом разделе автор рассматривает произведения Е. И. Замятина (1884–1937), Олдоса Хаксли (1894–1963) и Джорджа Оруэлла (1903–1950). В этом ряду особняком стоит роман Дж. Оруэлла «1984», написанный в 1948 г. Этот роман «...интересен для нас в том отношении, что представленное в нём общество можно рассматривать как *информационное общество тоталитарного типа*», где «...информационные средства могут использоваться для управления общественным сознанием, для идеологической интоксикации общества» (с. 33).

Краткий обзор литературных утопий и антиутопий показывает: «...начиная с пробуждения в XVII веке исследовательского духа Нового времени и до середины XX столетия, загадка будущего общества интриговала европейских мыслителей. <...> Правда, гениальные учёные XX столетия, стоявшие у истоков идеи информационного общества, редко задумывались над этическими последствиями реализации их открытий» (с. 34). В это же время началось созревание технократических и гуманистических установок, которые воплотились в идее ИО.

История этого вопроса рассмотрена в параграфе 1.2 «Зарождение и развитие идеи информационного общества», в начале которого мы узнаем о том, что идея ИО «...зародилась в лоне индустриальной цивилизации, которая, ... богата техническими новациями цивилизационного масштаба. <...> Идея построения информационного общества ... представляет собой футурологическую гипотезу, тогда как предыдущие идеи уже социализированы» (с. 34).

Опыт реализованных техногенных преобразований «...интересен для нас в том отношении, что он показывает те этапы, которые, вероятно, предстоит пройти идее информационного общества на пути к её социально-культурному воплощению» (с. 34). «Вот эти этапы:

1. *Зарождение идеи (эмбриональный этап, 1940-е – 1950-е гг.)* – появление в научных публикациях понятия информации и обсуждение научным сообществом связанной с ним информационной проблематики.

2. *Культивация идеи (концептуальный этап, 1960-е – 1970-е гг.)* – осмысливающие перспективы человечества учёные и философы, рассматривая информацию как важнейший социальный фактор, предлагают неологизм «информационное общество» и начинают разработку его концепций. <...> В популярной массовой литературе тиражируются книги и журнальные статьи, посвящённые информационной тематике вообще и идее информационного общества в частности. На этом этапе начинается подготовка дипломированных информационных работников <...>.

3. *Утилизация идеи (государственно-коммерческий этап)* – время (1980-е гг. – настоящее время – В. 3.) признания полезности идеи информационного общества государственной властью и структурами бизнеса. Государственная власть включает в свой идеологический арсенал идеализированную идею информационного общества.

Важно подчеркнуть, что переход к утилизации идеи не означает завершение её культивации. <...> появляются дополнительные стимулы и щедрые источники финансирования для дальнейшей разработки, критической оценки и переоценки, реструктуризации и модернизации гипотезы информационного общества. Практическая информатизация принимает масштабы мегатенденции, ... происходит глобализация информационно-коммуникационных сетей <...>.

4. *Социализация идеи.* Достигается тогда, когда продукты массовой её реализации становятся привычными и необходимыми компонентами образа жизни данного общества. <...> Если массы людей ... склонны соглашаться с тем, что они являются гражданами ... информационного общества, ... то общенародное распространение подобной идентификации означает социализацию идеи информационного общества. Это весьма продолжительный процесс, требующий смены поколений» (с. 35–36).

В настоящем параграфе «рассматривается первый этап – становление научных предпосылок формирования идеи информационного общества, затем концептуальную разработку (культивацию) её на втором этапе, наконец, начало утилизации идеи на третьем этапе её развития» (с. 36).

В разделе 1.2.1 «Зарождение гипотезы информационного общества» прослеживается развитие научных концепций, связанных с проблематикой ИО. Действительно, книгопечатание по технологии Гутенберга обусловило появление профессий книгопечатников и книготорговцев. До середины XX в. возникли профессиональные группы литераторов, журналистов, телеграфистов, телефонистов и др. Всё это способствовало становлению глобальной информационной инфраструктуры, основанной на проводной электросвязи. Однако о формировании некоего «информационного общества» речи ещё не было.

В 1940-х–1950-х гг. в мире наблюдалось такое явление, как информационный бум. В СССР, США и других развитых странах образовалась информационная инфраструктура (информационный сектор экономики) как область занятости различных профессиональных групп информационных специалистов. При этом, «в классических книгах и статьях, написанных в 50-е – 60-е гг., присутствуют важные «конструктивные элементы», которые послужили для формирования как технократических, так и гуманистических гипотез информационного общества» (с. 38).

В этой главе уделено внимание кибернетическим концепциям ИО, разработанным математиками Норбертом Винером (1894–1964), Клодом Шенноном (1916–2004), Аланом Тьюрингом (1912–1954), Андреем Николаевичем Колмогоровым (1903–1987) и гуманитарием Гербертом Маршаллом Маклюэном (1911–1980). Норберт Винер, например, утверждал, что «будущее информационное общество ... не должно строиться на основе частной собственности на информацию и по законам информационного рынка» (с. 39). По мнению А. В. Соколова, это общество можно назвать «информационным», но капиталистическим его считать нельзя. К тому же, он усматривает у «отца кибернетики» Н. Винера некоторые «технократические перегибы». Они, по мнению автора книги, проявляются тогда, когда Винер рассматривает человека как «специфический тип машины» (там же) и когда говорит о количественном измерении информации.

Клод Шеннон, единомышленник Винера, разрабатывая свою теорию информации, назвал количественную меру неопределённости ситуации *информационной энтропией*. Информация здесь трактуется как «...снятая неопределённость, а количество информации оценивается долей уменьшения энтропии» (с. 39). «Математический аппарат, разработанный К. Шенноном и его последователями, нашёл широкое применение для решения проблем оптимизации кодирования, расчёта пропускной способности и помехоустойчивости различных дискретных и непрерывных каналов связи» (с. 40). Но не ИО в целом.

Работы английского математика Алана Тьюринга «по сооружению первых ЭВМ и развитию методов программирования послужили основой для многих исследований в области искусственного интеллекта» (с. 41). А. В. Соколов подчёркивает, что «тест Тьюринга» можно формулировать так: «если в случае диалога “человек–машина” человек не может определить, является ли его собеседник другим человеком или машиной, то последнюю можно считать “разумной”» (Там же).

Академику А. Н. Колмогорову принадлежит определение кибернетики как «науки о связи, управлении и контроле в машинах, живых организмах и их объединениях с точки зрения их способности воспринимать информацию» (с. 42). В этом определении нет ни слова об ИО, однако, по утверждению А. В. Соколова, А. Н. Колмогорова как кибернетика привлекала «более фундаментальная проблема – проблема «искусственного создания живых и мыслящих существ», в том числе способных разумно обсуждать проблемы современной науки и литературы, т.е. удовлетворяющих тесту Тьюринга» (там же).

Особняком среди кибернетиков стоит представитель гуманитарной элиты XX века, канадский профессор английской филологии Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) – автор ряда блестяще написанных и оригинально оформленных книг (чего стоит одна «Галактика Гуттенберга!»), посвящённых вопросам развития информационной и коммуникационной составляющей современного ему общества.

В зависимости от доминирующих средств массовой коммуникации Маклюэн предложил делить историю человечества на четыре эпохи: первобытная – «дописьменного варварства», породившая «человека слушающего»; эпоха Гуттенберга («типографская эра»), породившая «человека смотрящего»; современная эпоха синтеза «человека слушающего» и «человека смотрящего» и грядущая эпоха превращения нашей планеты в единую «глобальную деревню» (с. 43, 44).

А. В. Соколов считает Маклюэна «пророком технологической, мультимедийной коммуникационной культуры, хотя он не использовал термин «информация» (что уж говорить об «информационном обществе»? – В. З.) в своих произведениях. Логично также формирующуюся на наших глазах глобальную информационно-коммуникационную среду назвать не «глобальной деревней», а Галактикой Маклюэна. <... > Галактика Маклюэна – это то самое мифическое информационное общество, которое рекламируют производители информационной техники» (с. 45).

В разделе 1.2.2 «Культивация идеи информационного общества» автор отмечает: это происходит тогда, когда идея культивации используется для описания, объяснения и прогнозирования социально-культурных процессов. «Культивация и утилизация идеи информационного общества тесно связаны с впечатляющим прогрессом наукоемких информационно-компьютерных технологий и потенциала вычислительной техники» (с. 45). Далее он пишет: «...для идеи информационного общества убедительным аргументом послужило не строительство гигантских и уникальных суперкомпьютеров, а массовое распространение доступных микрокомпьютеров индивидуального пользования» (с. 47). Для иллюстрации такого утверждения автор использует труды трёх выдающихся мыслителей первой половины XX в.: польского писателя и футуролога Станислава Лема (1921–2006), российского математика и кибернетика Никиты Николаевича Моисеева (1917–2000) и французского философа-социолога Жана Бодрийера (1929–2007).

Академик Н. Н. Моисеев выдвинул концепцию *Коллективного Интеллекта* (курсив А. С.). Фактически, практическим выражением Коллективного Интеллекта Н. Н. Моисеева является Википедия (о ней мы поговорим позже).

В разделе 1.2.3 «Утилизация идеи информационного общества» А. В. Соколов подчёркивает: она «осуществляется тогда, когда информационно-коммуникационные технологии компьютерных сетей используются государственными и коммерческими структурами для достижения собственных целей» (с. 62).

Наиболее колоритными фигурами, символизирующими переход от культивации к утилизации идеи ИО, автор считает выдающегося российского математика и кибернетика, конструктора специализированных ЭВМ, главного идеолога разработки и внедрения Общегосударственной системы учёта и обработки информации (ОГАС), трансформировавшей управление всей экономикой СССР, академика Виктора Михайловича Глушкова (1923–1982); создателя крупнейшей в мире компьютерной компании IBM Билла Гейтса (род. 1955); Тима Бернерса-Ли (род. 1955) – британского специалиста, основоположника Всемирной сети Интернет и концепции семантической паутины (долженствующей сделать размещённые на сайтах смыслы более понятными для компьютеров и открыть доступ к структурированной информации независимо от языка программирования), возведённого в июле 2004 г. Королевой Елизаветой II в рыцарское звание «за службу во благо глобального развития Интернета».

А. В. Соколов подчёркивает: «...развитие глобальной Сети Интернет является *необходимым условием* практической реализации идеи информационного общества. Информационное общество сможет консолидироваться в жизнеспособную сообщество ... только при условии свободного обмена

семантической информацией между её членами, то есть при опоре на Глобальную Семантическую сеть. Сэр Бернерс-Ли пытается проложить человечеству путь к сотворению этой Сети. Слава отважному рыцарю!» (с. 74).

Мы подошли к параграфу, заключающему главу, посвящённую истокам ИО. В параграфе 1.3 «Информационное общество как социальная реальность XXI века» автор даёт ответ на вопросы, стало ли ИО социальной реальностью или нет и насколько подтвердились научно-футурологические гипотезы, и вводит понятие информационного общества. Для ответа на первый вопрос А. В. Соколов проводит *социологическую интерпретацию информационного общества* «...как совокупности профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанных с информационно-коммуникационными технологиями» (с. 75). Отличительным критерием гражданина информационного общества автор считает владение интернет-технологиями.

Современное состояние Интернета А. В. Соколов анализирует в разделе 1.3.1 «Интернет – супермагистраль информационного общества». В результате рассуждений он приходит к выводу: «Интернет является общедоступным хранилищем общечеловеческого культурного наследия (библиотекой, архивом, информационным агентством одновременно)», Интернет – «...материально-техническая и организационная основа для реализации социологической интерпретации информационного общества» (с. 78). Чтобы полно ответить на вопрос, стало ли ИО социальной реальностью или нет, А. В. Соколов обращается к современной футурологической науке.

В разделе 1.3.2 «Исследования будущего» автор выясняет, достаточен ли Интернет в качестве основы для реализации социологической интерпретации ИО или для этого нужно что-то ещё? А. В. Соколов анализирует результаты исследований президента Российского отделения Международной Академии исследований будущего И. В. Бестужева-Лады (род. 1927), российского философа И. В. Фролова (1929–1999), американских оптимистов-футурологов в лице директора Гудзоновского института США философа Германа Кана (1922–1983) и философа Эдуарда Корниша, журналиста Олвина Тоффлера (род. 1928), а также Римского клуба и прежде всего его основателя, зачинателя футурологической глобалистики Аурелио Печчеи (1908–1984). Автор также уделяет внимание работам представителей альтернативистики и учёных, исследующих проблемы искусственного интеллекта.

На основе анализа рассмотренных работ А. В. Соколов делает вывод: «предвидится значительный рост профессиональных и любительских социальных групп, связанных с информационно-компьютерной техникой и образующих субкультурное информационное сообщество» (с. 91). Следовательно, социологическая интерпретация ИО подтверждается.

В разделе 1.3.3 «Общенаучное понятие и исходная идея информационного общества» А. В. Соколов, проанализировав определения ИО, «взятые на вооружение» основателями Института развития информационного общества (с. 91), а также социологическую, экономическую, политологическую, культурологическую, философскую и толково-энциклопедическую версии ИО, предлагает следующее общенаучное определение: «*Информационное общество – будущее постиндустриальное общество, основанное на информационных процессах*» (с. 95). А идею ИО предлагает сформулировать так: «*Информационное общество есть гипотеза о будущем постиндустриальном обществе, основанном на информационных процессах*» (с. 96).

Однако для дальнейшего познания сущности ИО автор счёл необходимым обсудить фундаментальную философскую и научную проблему «Что такое информация?». Этому посвящена Глава 2 – «Информационный подход и информационные реальности».

Проблемы, затронутые в параграфах 2.1 «Информационный подход в научном познании» и 2.2. «Природа и сущность информации. Типы информации», рассмотрены во многих работах, в том числе, самим А. В. Соколовым. Поэтому акцентировать внимание на этих параграфах не будем, а остановимся только на разделе 2.2.3 «Типы реальностей и типы информации», поскольку здесь закладывается основа анализа информационных реальностей, что в параграфе 2.3 «Информационные реальности» поможет нам понять, в какой реальности может существовать ИО.

В разделе 2.2.3 представлена типизация реальностей: макрокосм (физическая реальность); биологическая реальность (биосфера); микрокосм (субъективная или психическая реальность); социальная реальность;

духовная реальность; техносфера (техногенная среда, технико-технологическая реальность).

Взаимосвязь типов реальностей и типов информации (с. 130–134) выглядит следующим образом: на уровне макрокосма имеет место информация в виде математических моделей, биосфера имеет дело с биологической информацией, а для всех остальных типов реальности характерно использование семантической информации (итоговая онтологическая таблица «Типы реальностей и типы информации»; с. 133).

В параграфе 2.3 «Информационные реальности» автор утверждает, что в природе существует «...несколько разновидностей информационных реальностей, в том числе мистическая, когда информационная реальность выступает в качестве первоначала мироздания, и технократическая, когда информационная реальность ограничивается сферой информационных технологий и информационной техники (информационная техносфера)» (с. 150). В качестве субстрата во всех информационных реальностях выступает информация. Различны также хронотопы (пространственно-временные координаты), принятые в данной реальности.

В разделе 2.3.1 «Мистические начала мироздания» А. В. Соколов предлагает три версии информационной реальности в качестве начала мироздания: «философско-материалистическая, теологическая и промежуточная между ними» (с. 150).

Философствующие материалисты-информатики, как отмечает автор, предложили ввести в философский лексикон категорию *информационная реальность* (курсив А. С.), которая понимается ими как «информационная форма движения материи» (с. 150). Информация, соответственно, объявляется философской категорией, служащей основой информационной реальности.

Оперируя категорией информации, философия информационной реальности обещает «разрешить «вечные вопросы» биологии (возникновение живых существ), антропологии и богословия (появление *homo sapiens*), культурологии и футурологии (построение искусственного интеллекта)» (с. 151). Получается, что информационная реальность «...привлекла мыслителей-материалистов возможностью подтвердить материальное единство мира (принцип материалистического монизма)» (там же).

Обожествляющие информацию теологи считают, что существуют внепространственная и вневременная «первичная и всеобъемлющая духовная реальность и вторичный материальный мир – физическая реальность» (с. 152). Вся информация хранится в духовной реальности, с её помощью, по мнению теологов, можно постигать смысл событий в материальном мире.

Промежуточной версией информационной реальности А. В. Соколов называет *тонкоструктурный мир*, постулированный *биоэнергоинформатикой* (курсив А. С.). Здесь информация понимается как «тонкоматериальная структура, существующая не в плотноматериальном мире вещества и энергии и не в нематериальной духовной сфере (мире идей), а в физически определяемом пространстве торсионных (спиновых) полей между ними, именуемых Тонкий мир» (с. 152). Как отмечает автор, теория Тонкого мира «чересчур тонка» для того, чтобы объяснить социальные явления нормального, а не паранормального мира.

В результате А. В. Соколов приходит к выводу о мистификационном характере всех трёх представленных версий информационной реальности, поскольку «и философско-материалистическая, и теологическая, и промежуточная версии не имеют ни эмпирических, ни логических доказательств существования информационных реальностей. <...> Предлагаемые авторами определения информации и трактовки информационных реальностей – мистификационный продукт информационного подхода. Они не могут быть областями бытия информационного общества в любых его интерпретациях» (с. 153).

В разделе 2.3.2 «Инфосферная реальность» автор критикует некорректные применения информационного подхода, в результате которых получаются различные примеры *информационной реальности* или *инфосферы*, выражающиеся в *информационно-технологической революции*, *информационной коммуникации* (курсив А. С.) и формирующие «инфосферную реальность», но фактически являющиеся «типичной научной фикцией» (с. 155). Самостоятельная аутентичная информационная реальность, по мнению А. В. Соколова, в природе отсутствует, поскольку «информация не может выступать в качестве субстрата какой-либо реальности в силу своей вторичности (первичен смысл, который выражает информация)» (с. 155).

В то же время А. В. Соколов отмечает, что многие авторы связывают информационную реальность с виртуальной, нередко отождествляя их, особенно если они основаны на компьютерной базе. Из этого

неизбежно следует, что «общество, бытующее в виртуальной реальности, превращается в информационное общество» (там же). В этой метаморфозе автор разбирается в разделе 2.3.3 «Информационное общество в виртуальной реальности».

Существование в Интернете параллельной («виртуальной») реальности, охватившей практически все социальные институты, и активная жизнь в ней (автор упоминает, например, о виртуальных салонах красоты и виртуальных свадьбах) уже давно никого не удивляют. Не остаются в стороне наши библиотечно-библиографические и информационные службы. Как считает Аркадий Васильевич, доводом в пользу их «виртуализации» послужил тот факт, что «взаимодействие пользователей и персонала службы ... происходит без физического контакта, благодаря использованию компьютеров и Интернет-технологий» (с. 155–156).

Как следствие, библиотечно-библиографические службы используют свою «виртуальность» как эффективное средство «... продвижения своих услуг, позиционируя себя в качестве элементов не только информационного мира, но и виртуального общества XXI века» (с. 156). В России функционирует «Виртуальная справочная служба публичных библиотек», подобные службы создаются в академических (системы АН РФ) библиотеках. На Международном библиографическом конгрессе (сентябрь 2010 г., Санкт-Петербург), отмечает А. В. Соколов, говорилось о Корпоративной виртуальной справочной службе универсальных научных библиотек, Виртуальном справочном бюро Государственной публичной исторической библиотеки, виртуальных библиографических службах в вузовских, научно-технических, общедоступных библиотеках. Весьма многообещающим, по мнению автора, выглядит проект Русской виртуальной библиотеки, цель которого – «... филологически полноценное воспроизведение всего пространства русской литературы за последние три столетия» (там же).

Что же всё-таки обозначает прилагательное *виртуальный*? А. В. Соколов пишет: «... римляне обозначали термином *virtus* силу, мужество, воинскую доблесть, а средневековые схоласты называли *virtus* (курсив В. З.) способность мыслить». Казалось бы, отчего же не «зафиксировать в бренде современной библиотеки обслуживание мощи и доблести человеческого мышления» (с. 156–157)? Однако прилагательное *виртуальный* может иметь различные значения. Например, латинское *virtualis* (*возможный*) обозначает «потенциальные явления, которые сейчас не существуют, но могут возникнуть при определённых условиях» (с. 157). Как же трактует этот термин А. В. Соколов для характеристики информации и ИО?

Аркадий Васильевич анализирует теорию виртуалистики, согласно которой «виртуальная реальность» представляется как «область бытия виртуальных объектов, которые порождаются объектами других реальностей (физических, психологических, социальных и др.» (там же). «Виртуальной реальности» присущи следующие отличительные свойства: *порожденность* (или вторичность), она продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; *автономность* – в ней своё время, пространство и законы существования; *интерактивность* – она может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей» (с. 158).

Далее автор обращает внимание читателя на то, что перечисленные свойства «виртуальной реальности» присущи и самому феномену информации: «... информация «вторична» по отношению к выражаемому смыслу (порождающей реальности); она существует по собственным законам, которые не зависят от какой-либо «неинформационной» реальности; и вместе с тем способна взаимодействовать с реальностями всех типов» (там же). Это положение А. В. Соколов считает весьма существенным для выполнения задачи своего исследования информационного общества.

Получается, что параллельные («виртуальные») реальности (психогенные и социогенные, имеющие естественный характер) существовали и в докомпьютерную эпоху и компьютерная техника отнюдь не является единственным источником «виртуальной реальности», имеющей техногенный характер. Автор выделяет три вида «виртуальной реальности»: психогенная, техногенная и социогенная (с. 159–161).

Психогенная виртуальная реальность (курсив А. С.) включает в себя различные изменения состояния психики человека (сновидения, воображение, воспоминания, галлюцинации и др.). По мнению автора, для описания и объяснения психогенных «виртуальных реальностей» можно использовать информационный подход, однако широкого распространения в данной области он не получил (с. 159). К тому же этот тип «виртуальной реальности» имеет субъективный характер и по этой причине не подходит для выполнения задачи исследования автора.

Иное дело *техногенная виртуальная реальность*, являющаяся результатом активного использования мультимедийных компьютерных технологий. Фактически, данный тип реальности представляет собой «искусственно созданную (техногенную) симуляцию объективной материальной реальности. <...> Здесь речь идёт об использовании компьютерного моделирования и симуляции, которое позволяет личности взаимодействовать с искусственным трёхмерным визуальным или другим сенсорным окружением» (с. 160).

К техногенной «виртуальной реальности» относится также информационное содержание Интернета, персональных компьютеров, иных видов средств хранения и/или передачи информации. По этой причине «... компьютерные коммуникационные сети часто именуют виртуальной коммуникацией, а справочно-библиографическое обслуживание, опосредованное Интернетом, – виртуальным обслуживанием». Соответственно, одной из примет грядущего ИО можно считать «... виртуальные библиотеки, бурно распространившиеся во всем мире, в том числе нашу Президентскую библиотеку им. Б. Н. Ельцина» (там же). (Автор считает эту библиотеку *виртуальной*. – курсив мой. – В. З.)

Социогенная виртуальная реальность, имеющая прямое отношение к ИО, представляет собой «любое замещение социальных реалий, их симуляцию, *не обязательно* с применением компьютерной техники. <...> Например, виртуальной можно назвать экономику, где спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством, или демократию, имитирующую народовластие» (с. 161).

По мнению, А. В. Соколова, «имитационное, то бишь виртуальное, общество довольно легко представить в качестве информационного общества» (с. 162). То есть, «информатизация жизни *способствует* (курсив А. С.) виртуализации общества. Благодаря информационным технологиям стало возможно формирование таких виртуальных «социогенных» институтов, как «электронная коммерция», «электронное правительство», дистанционное обучение, электронные библиотеки и музеи, а также «виртуальные» справочные службы и библиотеки, которые осуществляют (с точки зрения постмодернизма – симулируют) библиотечно-библиографическое обслуживание с помощью дистанционных средств связи» (с. 163).

Далее А. В. Соколов утверждает: «... объёмы понятий «информационное общество» и «виртуальная реальность» находятся в *отношении пересечения* и, следовательно, образуются три логические области, в которых (внимание!) обнаруживаются уже известные нам три интерпретации (три типа) информационных обществ (там же). Вот эти интерпретации:

А. Информационные сообщества, *не являющиеся виртуальными* (курсив А. С.), такие, как социально-профессиональные группы информационных специалистов, общественные объединения соответствующего профиля и др. Эти «информационные общества» являются структурными элементами социальной реальности.

Б. Социогенные и психогенные виртуальные явления, *не охваченные информационным подходом*. Сюда входят искусство, мифы, реклама и др. Это тоже элементы социальной реальности.

В. Научно-футурологические гипотезы информационного общества представляют (симулируют) вероятные, возможные, но в данный момент не существующие социальные реалии. Они соответствуют рассмотренным ранее критериям виртуальности: порожденность (вторичность), автономность, интерактивность (с. 163, 164).

А. В. Соколов именуется эти интерпретации ИО «*симулякр постиндустриальной эпохи*» и выводит такое определение: «*Информационное общество есть симулякр постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства*» (с. 165; курсив А. С.). Автор называет это определение «вторым приближением» к идее ИО (с. 166) и обращает внимание читателя на то, что в нём присутствуют (подразумеваются) следующие *сущностные* (необходимые) признаки ИО:

- а) симулятивное представление экономики, политического устройства, культурных процессов, свойственных реальным историческим обществам;
- б) постиндустриальный высокопроизводительный уровень материального производства;
- в) высокий интеллектуальный уровень;

г) высокий уровень развития электронно-цифровой техносферы, основанной на машинной информации;

д) симулятивное удовлетворение материальных и духовных потребностей общества (с. 166).

Далее, чтобы «из виртуальной перейти в социальную реальность, нужно пополнить «виртуальную формулировку» недостающими сущностными признаками и оригинальными социальными реалиями» (там же), ожидающими нас в будущем. С этой целью А. В. Соколов в главе 3 «Концепции информационного общества» анализирует соответствующие концепции, разработанные авторитетными футурологами. Автор делит концепции ИО на три группы – историсофские, технократические и гуманистические, – которые он подробно анализирует. Забегая вперед, отметим, что все концепции ИО, по мнению А. В. Соколова, «представляют собой типичные *симулякры* (курсив А. С.), то есть, как выражался Жан Бодрийяр, “знаки, которые открывают, что ничего и нет”» (с. 231).

А. В. Соколов начинает с историсофских концепций ИО (параграф 3.1). Он утверждает: «С точки зрения классической историософии выглядит обоснованной и типичной симуляция информационного общества как очередного, постиндустриального этапа ... эволюции цивилизации и прогресса человечества, характеризующегося высоким уровнем материального производства, интеллектуальности населения и, обязательно – развитием электронно-цифровой техносферы» (с. 170). Однако «виртуальная дефиниция» ИО, хотя и хорошо согласуется с принципами историософии, не учитывает экономических, политических, социальных и культурных реалий будущего социума. А именно на эти реалии обращали внимание авторы историсофских концепций ИО – Д. Белл, О. Тоффлер, В. Л. Иноземцев.

Американский учёный Дэниел Белл (род. 1919), один из крупнейших социологов XX века, – основоположник концепции *постиндустриального общества* (курсив А. С.). В качестве исходного постулата своей теории Д. Белл использует *историсофскую триаду*: «доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная стадии (эпохи) развития человеческой цивилизации» (с. 171).

В постиндустриальном обществе, которое в контексте предмета исследования монографии нас интересует больше всего, «все сферы человеческой деятельности неразрывно связаны друг с другом, основной производительной силой становятся инженеры и ученые, а главным социальным ресурсом – информация и знание. При этом, если обмен информацией и знаниями происходит в постиндустриальном обществе в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров, то резонно назвать это общество *информационным*» (с. 171).

В концепции Д. Белла автор также не находит существенных различий между информационным и постиндустриальным обществом. Д. Белл обосновывает особенности постиндустриального (информационного) общества. По мнению А. В. Соколова, «наиболее важными [из них] являются следующие:

– Центральная роль теоретического знания и интеллектуальных технологий ... в модернизации производства и внедрении технологических новшеств, влияние *науки* на рост ВВП ... и социально-культурный прогресс, которое позволяет классифицировать постиндустриальное общество как *общество знания*;

– Преимущественное развитие *сферы услуг*, к которой относятся ... также области информационной деятельности – научные исследования, образование, государственное управление, здравоохранение, социальное обслуживание <...>;

– Во всех секторах [общественного производства] значительно возрастает доля «белых воротничков» – квалифицированных специалистов умственного труда, причем образованные специалисты представляют собой ... *особый интеллектуальный слой*, который может рассматриваться как *профессионально-технический класс*, состоящий из четырёх сословий: научного, технического, административного и культурного <...>;

– Повышающаяся роль образования и науки открывает путь для зарождения *меритократии* (курсив А. С.), когда человек может занять престижное положение ... благодаря личным талантам и квалификации;

– Политическая система постиндустриального общества должна обеспечить рациональное управление социальным организмом, разумное распределение и перераспределение материальных благ и гарантировать максимальную свободу всем гражданам. (А. В. Соколов назвал эту систему «*демократической меритократией*»);

– Коренным образом изменяется характер труда: ... в постиндустриальном обществе труд ... становится, главным образом, *межличностной коммуникацией*, свободным общением, приносящим работникам удовлетворение трудовой деятельностью;

– В постиндустриальном обществе недостатка товаров не будет, но зато будет иметь место недостаток информации и свободного времени для удовлетворения духовных потребностей и совершенствования личности» (с. 172, 173).

Конечно, с некоторыми положениями концепции Д. Белла невозможно согласиться. Однако также невозможно отрицать, что справедливость целого ряда его утверждений сегодня подтверждается – в повседневной жизни.

Анализируя этот «постиндустриальный симулякр» Белла, А. В. Соколов пишет: «Д. Белл ... отдаёт себе отчёт в *гипотетической природе* постиндустриального общества и решительно возражает против рассмотрения его в качестве социальной системы, идущей на смену капитализму или социализму. <...> В постиндустриальном обществе он предвидит формирование «нерыночной экономики благосостояния», поскольку ... невозможно оценить рыночную стоимость информации и знания. Исходя из того, что знание представляет собой «общественный продукт» и «коллективное благо», которое, даже будучи проданным, остается у своего производителя, Белл ставит перед экономической наукой нетривиальную задачу разработки “теории стоимости, основанной на знании”» (с. 173–174).

Заканчивая анализировать концепции Белла автор восклицает: «Как жаль, что этой теории у нас нет, и мы не умеем оценить гениальную идею в денежном эквиваленте!» (с. 174). (Замечу: хотя у нас и нет этой теории, власти иногда пытаются оценивать работу подведомственных им библиотек по экономическим критериям, но это уже другая история...)

Концепция *информационного общества как «третьей волны»* (курсив А. С.) принадлежит американскому журналисту Олвину Тоффлеру (его имя уже было упомянуто при анализе параграфа 1.3.2 «Исследования будущего» информационного общества как социальной реальности XXI века).

В своих работах О. Тоффлер представил историософскую триаду в виде *трёх волн* (курсив А. С.) человеческой цивилизации: «*Первая волна* – доиндустриальная аграрная цивилизация (с около 8 тыс. лет до н. э. <...> примерно до 1650–1750 гг. н. в.); *Вторая волна* – эра индустриальной цивилизации (середина XVII – середина XX века); *Третья волна* – супериндустриальная цивилизация, ... основанная на передовой технологии и постматериалистической системе ценностей (наше время)» (с. 175).

О. Тоффлер называет четыре источника могущества третьей волны: «... компьютерные технологии, космические исследования, освоение ресурсов океана, геновая индустрия» (с. 176). А. В. Соколов считает, что спроектированный Тоффлером симулякр будущего общества вполне можно назвать информационным обществом, так как Тоффлер называет информацию «популярным и важным бизнесом в мире», толкует о «революции, охватившей сферу информации», «информационной бомбе», «третьей волне информации», которая «влияет на нашу работу, наши семьи, церковь, школы, политические институты» (с. 177).

Тоффлер предрекает, в частности, *демассовизацию* (курсив А. С.) будущего общества. Демассовизация социальной коммуникации «произойдет благодаря увеличению числа радиостанций и телевизионных каналов, распространению кабельного телевидения и видеокассет (что мы имеем с избытком в наше время. – В. З.). Миллионы телезрителей научатся «играть с телевизором», взаимодействовать с ним. Они ... сами начнут манипулировать телевизионным приемником (Web 2.0 – В. З.). [При этом] на каждого человека низвергается поток фрагментарных образов и представлений, не связанных друг с другом ... в виде «блипов» (вспышек на экране)» (там же).

А. В. Соколов заостряет внимание читателя на ожиданиях О. Тоффлера – компьютеры послужат противовесом против блип-культуры – и характеризует его мысли на этот счёт следующим образом: «Компьютеризованные фонды библиотек и архивов обеспечат не только хранение и поиск, но и обработку (обзор, систематизацию, сопоставление накопленной информации)» (там же). Ну а «революция в области информационно-компьютерных технологий становится инструментом для политических преобразований в духе информационного общества и должна обеспечить мирный переход к Демократии Двадцать Первого

Века» (с. 178). (Это мы в полной мере ещё не реализовали – В. З.).

К историческим концепциям ИО А. В. Соколов относит также *постэкономическую концепцию* (с. 180–186) В. Л. Иноземцева (род. 1968) – российского экономиста и социолога, научного руководителя Центра исследования постиндустриального общества. Следуя канонам исторической философии, В. Л. Иноземцев выделяет свою триаду, утверждая, что «история цивилизации подразделяется на три огромные эпохи:

доэкономическую (курсив А. С.), когда основным занятием людей было ... противостоять природе в борьбе за выживание;

экономическую, основанную на труде как осмысленной деятельности по созданию комфортной и безопасной среды обитания;

постэкономическую, соответствующую современности, когда ... главным производственным ресурсом становится информация, требующая иных, чем прежде, способов организации людей, работающих с ней, иных общественных отношений, иных качеств личности, производящей и потребляющей информацию» (с. 180).

Далее А. В. Соколов приходит к выводу: поскольку «... информация является основой постэкономического общества, правомерно считать последнее *информационным обществом*» (там же).

В последующих параграфах главы 3 автор анализирует технократические и гуманистические концепции ИО. О них, а также о том, какой путь предначертан автором информационному обществу на пути от виртуализации к социализации мы поговорим во второй части рецензии.

(Продолжение – в следующем номере.)